

Уинстон Черчилль

Очерк

В романе Марка Алданова «Начало конца» есть иронический автопортрет: маститый французский писатель приобрел известность историческими романами, но на хлеб насыщенный зарабатывает газетными очерками о современных политиках, в частности, об английском дипломате Антони Идене.

Самому Алданову выпало четыре раза писать о друге и покровителе Идена Уинстоне Черчилле. Почти ни к кому из политиков писатель не испытывал симпатии, но о Черчилле отзывался так: «необыкновенный ум», «разносторонние дарования, порой граничащие с гениальностью».

Эти слова читатель найдет в публикуемом ниже очерке, написанном в США в 1941 г., до нападения Германии на Россию. Англия в одиночку ведет борьбу с мощной германской военной машиной, Черчилль — премьер-министр и олицетворяет для оккупированной Европы волю к сопротивлению.

В первый раз к личности Черчилля Алданов обратился в 1927 г., задолго до того, как тот стал одной из ключевых фигур истории XX века. Писатель задумал тогда цикл о «героях завтрашнего дня» — политических деятелях европейских стран, находящихся на пути к Олимпу, но еще не достигших его. Героями избрал Сталина (до начала коллективизации) и Гитлера (перед его приходом к власти). У Алданова выбор персонажей оказался снайперски точен: и Черчилль, и Сталин, и Гитлер оказались лидерами своих государств. Все трое, повторял Алданов, — люди выдающихся дарований, и очень жаль, что выдающийся этот дар присущ Сталину и Гитлеру. Черчилль представал у него как единственный крупный современный политик, который с самого начала осознал опасность гитлеризма.

Второй очерк под тем же названием «Уинстон Черчилль» отражает реальности другой эпохи, и тональность его иная: это очерк-дифирамб, очерк-панегирик. Но сквозь условности жанра прорывается обычный для Алданова аналитический подход, обсуждаются сложные, актуальные и в наши дни проблемы: какой тон брать демократическим политикам в переговорах с диктаторами, в какой степени можно полагаться на договоры с ними и т. п. Алданов считает, что предъясвлять Гитлеру ультиматум надо было сразу же, как только он пришел к власти, что совершенно прав был Черчилль, когда не дал себя убаюкать рассуждениями о недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Что он еще раз оказался прав, когда, ненавидя коммунизм, стал, тем не менее, втягивать Москву в антигитлеровскую коалицию. Но в 1933 г. Черчилль не был у власти, а потом было уже поздно.

Внутренний мир «большого человека» Алданов раскрывает в рассказе «Микрофон» (впервые опубликован в 1942 г.) и в появившемся после войны рассказе «Истребитель». В центре рассказов — простые люди военных лет, Черчилль на обочине авторского внимания, но ему отведена важная роль. В первом рассказе англичанин-радиоинженер обеспечивает трансляцию выступления Черчилля и поддается обаянию и патриотическому одушевлению премьер-министра. Пожилого жителя Крыма, персонажа второго рассказа, выселяют из дома на период Ялтинской конференции — и Алданов пользуется возможностью изобразить конференцию, в частности, Черчилля, для которого братство по оружию, верность союзникам — не пустые слова, но тем не менее, глядя на советский почетный караул, британский лидер чувствует, что для его страны лучше, если бы этих людей было меньше.

Надеюсь, читатель оценит по достоинству старый очерк основателя «Нового Журнала», найдет в нем мысли, не утратившие свежести с годами. Готовя эту публикацию, я вспоминал крылатую фразу Алданова: «Не знаю чтения более актуального, чем притчи библейских пророков».

Машинописный текст очерка с авторской рукописной правкой хранится в фонде Алданова в Бахметевском архиве в Нью-Йорке. Печатается впервые, с разрешения руководства архива.

Андрей Чернышев

I

В самом центре Лондона, у Уайтхолла, расположена небольшая, довольно невзрачная на вид улица, название которой, Даунинг-стрит, известно всему миру. Улица эта названа так по имени английского дипломата, жившего в XVII веке и оставившего по себе печальную славу. Под номером 10 на улице стоит знаменитый дом, построенный в 1671 году. В нем уже два столетия подряд творится история мира: здесь живут и работают первые министры Англии.

Ровно в семь часов утра ежедневно к этому, на вид тоже довольно невзрачному дому, теперь окруженному колючей проволокой и мешками с песком, подъезжает в открытом автомобиле невысокий, грузный рыжебровый человек с необыкновенно выразительным лицом, с глубоко засевшими блестящими умом глазами, с резко обозначенными скулами и морщинами. Это Уинстон Черчилль. Я видел его несколько раз в жизни. Если взглянуть в его лицо, особенно в глаза, то забыть их невозможно.

В Англии тщательно скрывают, где он проводит ночи: это военная тайна. Интеллидженс сервис имел сведения, что немцы чрезвычайно ею интересуются. В пору дневных налетов на Лондон германские летчики специально метили в дом на Даунинг-стрит. Это естественно: жизнь этого человека по ценности для его страны равна многим дивизиям.

Выйдя из автомобиля, первый министр тотчас спускается в подземное помещение. Там в подвале исторического дома для него устроена комната — не то кабинет, не то спальня — с письменным столом, с телефонами, с пишущими машинами и с кроватью. Он раздевается и ложится в кровать, где принимается за работу: читает полученные за ночь телеграммы, выдержки из газет, затем диктует разные предписания, ответы на запросы, резолюции по докладам. В кровати же он завтракает — «an enormous breakfast» — говорит близкий к нему человек. В 11 часов утра он снова одевается и поднимается наверх в ту комнату, которая в нормальное время служит рабочим кабинетом для первых министров.

Ему предписано врачами оставаться возможно больше в лежачем положении. Этот человек, который может считаться чудом энергии и силы воли, физически слаб и непрочен. У него пошаливает сердце и не в слишком хорошем состоянии легкие. В детстве он много болел; врачи предполагали, что он не выживет. Пятнадцати лет отроду он на уроке фехтования вывихнул руку и до сих пор владеет ею не совсем свободно. Еще тремя годами позднее с ним произошел другой несчастный случай, очень отразившийся у него на почках. Предки Черчилля, как большая часть английских аристократов, учились в Итонской школе. Его туда нельзя было отдать, так как климат Виндзора, где находится эта старинная школа, был признан недостаточно благоприятным для мальчика со столь слабым здоровьем. Все это не мешает ему в 66 лет есть за троих, пить за двоих и работать от четырнадцати до семнадцати часов в сутки.

В 11.30 утра начинается заседание кабинета министров, происходящее в большой продолговатой комнате, занятой в длину столом красного дерева. По стенам висят портреты министров. В простенках книжные шкапы — по традиции каждый новый министр обязан подарить книгу или книги в это собрание. Для обыкновенных министров у стола стоят стулья, для премьера кресло. Заседания продолжаются от часа до нескольких часов, в зависимости от важности предмета обсуждения и от того, любит ли долгие споры премьер. Словоохотливых министров на Даунинг-стрит недолюбливают. Наименее словоохотливым, как говорят, был покойный лорд Китченер. В 1914 году, будучи военным министром, он принципиально не делился военными секретами с кабинетом. Он будто бы даже объяснил это премьеру Асквиту довольно бесцеремонно: «Все ваши министры сообщают о прениях в кабинете

своим женам. Исключение составляет Х., который сообщает об этих прениях своей любовнице!»

После завтрака премьер спит около часа, затем возвращается в кабинет и принимает посетителей. Затем, если необходимо, отправляется в парламент или к королю. Обедает он в своей частной квартире во втором этаже. Я видел дом на Даунинг-стрит только снаружи, но мне попадались фотографии главных салонов дома (в нем всего 68 комнат). Они убраны превосходно: портреты работы Рейнолдса и Гейнсборо, старая дорогая мебель, гобелены. Впрочем, парадные комнаты французских министерств, особенно министерства иностранных дел, где мне случалось бывать, еще лучше. Вечером, после обеда, в связи с наступлением часа ночных воздушных налетов, Черчилль опять спускается в подвальную комнату и там работает всегда до полуночи, а иногда до трех часов ночи. На письменном столе у него стоят три телефона разных цветов. За работой он напевает единственную песенку, которую знает: «Run, rabbit, run!» — это если Черчилль в хорошем настроении духа.

В хорошем настроении духа он бывает гораздо чаще, чем в дурном. Все знающие его люди говорят об его веселом оптимистическом характере. Говорит об этом и он сам. Вдобавок он считает себя счастливым человеком. Однажды, лет двадцать тому назад, Черчилль сказал одному своему другу: «Моя жизнь, в общем, очень счастливая и становится все счастливее. Я многому научился в жизни и продолжаю учиться каждый день».

Слова во многих отношениях замечательные. Конечно, нынешний премьер родился очень «счастливым»: он сын министра и внук герцога Мальборо. В Англии внукам герцогов, если они не больные и не идиоты, можно, по общему правилу, считать почти обеспеченными хорошую карьеру и успехи в жизни. Но карьера и успехи, как известно, счастья не составляют. Можно было бы сослаться на знаменитых, гениальных людей, которые прожили, в общем, на первый взгляд, весьма счастливую жизнь и которые слов Черчилля никак о себе не произнесли бы. Гете утверждал, что он всегда был несчастен. Лев Толстой как-то сказал: «Халиф Абдурахман говорил, что у него в жизни было четырнадцать счастливых дней. У меня не было и четырнадцати...»

Но если даже оставаться только в области внешних признаков счастья, то и тогда едва ли можно признать Черчилля баловнем судьбы, по крайней мере в полном и совершенном смысле слова. Как уже было сказано, здоровьем он не мог похвастать никогда. Не был он и богатым человеком. Принадлежа к одной из знатнейших семей Англии, он никакого состояния от отца не унаследовал и до сорока семи лет жил исключительно литературным трудом. Правда, зарабатывал он много. Газетный магнат лорд Риддель в своих воспоминаниях не без досады сообщает, что Черчиллю платят по полкроны (около 60 центов) за слово. За написанную нынешним английским премьером биографию его отца он получил от издателя 8 тысяч фунтов. Но состоятельным человеком Черчилль стал лишь в 1921 году, когда скончавшийся кузен его, лорд Герберт Ван-Темпест завещал ему имущество, приносящее 5 тысяч фунтов годового дохода. Это почти не изменило его образа жизни: и до наследства, и после него он работал — даже в ту пору, когда не находился у власти — очень много, как работают во Франции, в Америке и как почти никто не работал в старой счастливой Англии.

Что сказать о степени «удачности» его политической жизни? Я буду подробнее говорить о ней дальше. Конечно, он рано стал членом парламента, очень рано стал министром — Эдуард VII ко дню его свадьбы подарил ему палку с надписью: «Самому молодому из моих министров». Но премьером Черчилль стал лишь на склоне дней и популярностью начал пользоваться, как в парламенте, так и в печати, лишь с начала нынешней войны. Он сам сказал лорду Фишеру: «Я никогда ни в каких интригах не участвовал. За все, чего я в жизни добился, мне пришлось бороться. И тем не менее нет человека, которого у нас ненавидели бы так, как меня».

Быть может, это чуть преувеличено. Я не знаю, «ненавидели» ли Черчилля настоящему: в Англии все-таки политическая жизнь протекает без острых личных страстей. Верно, однако, то, что «хоронили» нынешнего главу правительства очень часто. В прошлую войну после неудачи Дарданелльской экспедиции, как известно, на него была возложена вся ответственность. Он должен был уйти в отставку. «Его жизнь разбита... Он совершенно потерял общественное доверие... Он пал как Люцифер, и надеяться ему больше не на что. Большая трагедия!» — сказал в 1916 году один из его ближайших сотрудников. «Конченный человек!» — писали газеты.

Ах, эти «конченные люди»! Я склонен думать, что в политике нет конченных людей. Помнят ли читатели, что около 1860 года Улисс Грант тоже считался разбитым и навсегда конченным человеком? Это не помешало ему позднее оказаться победителем в войне и национальным героем, не помешало проделать одну из самых блестящих карьер в истории. Политические похороны равно ничего не доказывают и ничего не стоят. Недорого стоит и политический апофеоз.

Здесь я касаюсь вопроса щекотливого и деликатного. Скажу с самого начала читателю, что я считаю Черчилля большим, очень большим человеком, человеком необыкновенного ума и необыкновенных разносторонних дарований, пожалуй, граничащих с гениальностью. При этом мнении я должно быть и останусь, как бы дальше ни развивалась война и как бы она ни кончилась. Однако я от себя не скрываю: историческая репутация Черчилля почти всецело зависит от дальнейшего хода войны. Если, избави Бог, Англия войну проиграет, то на нынешнего главу правительства возложат ответственность решительно все и обвинять его будут решительно во всем. В этом случае он снова будет объявлен «неудачником», как был им объявлен в 1916 году.

Это, впрочем, относится не только к нему. В несколько меньшей мере в той же чертовой лотерее разыгрывается историческая репутация многих государственных людей, в том числе другого очень большого, по-моему, человека: президента Рузвельта. Если Гитлер будет уничтожен, Рузвельт перейдет в историю как один из величайших, как величайший, быть может, из всех президентов Соединенных Штатов. Но если Гитлер войну выиграет, то историки, вероятно, будут расценивать фигуру президента иначе. Что же делать, «ничто не имеет такого успеха, как успех». Какие выводы отсюда следуют? Теоретически говоря, отсюда ничего не следует, кроме того правила великого итальянца, которое любил повторять Карл Маркс: «Следуй своим путем, и пусть люди говорят, что им угодно». Но как жаль, как жаль, что этому правилу так трудно следовать в жизни, особенно государственным деятелям и, в частности, государственным деятелям демократических стран.

Черчилль на этот счет, вероятно, не заблуждается. В ранней молодости будучи офицером в Африке, он писал после кавалерийской атаки, в которой участвовал: «In one respect a cavalry charge is very like ordinary life. So long as you are all right, firlе in the saddle, your horse in hand, and well armed, lots of enemies will give you a wide berth. But you have lost a stirrup, have a rein cut, have dropped a weapon, are wounded, or your horse is wounded; then is the moment when from all quarters enemies rush upon you».*

Подкапываются под него разные люди и теперь. Сейчас это еще не страшно. Как ни подтачивает война людей и их репутации, в настоящее время Уинстон Черчилль еще чрезвычайно популярен — вне всякого сравнения с другими государственными людьми Англии. По данным Британского института общественного мнения, за нынешнего премьера стоит 89 проц. англичан. Один видный американский журналист, который не может быть, по-видимому, причислен к безоговорочным поклонникам Черчилля, пишет, что в Лондоне ему от всех беспрестанно приходилось слышать:

* «С некоторой точки зрения кавалерийская атака очень похожа на обычную жизнь. Пока вы в порядке, твердо держитесь в седле и хорошо вооружены, враги далеко вас обходят. Но стоит вам потерять стремя, лишиться узды, выронить оружие или получить ранение — самому или лошади, — и тут же со всех сторон на вас ринутся враги».

«Мы просто не знаем, что Англия делала бы без него». По словам того же журналиста, Черчиллю вменяют в вину только одно: он будто бы слишком привязан к своим друзьям и не удаляет с видных постов тех из них, кого уволить не мешало бы.

В 1914 году Черчилля обвиняли в обратном — в том, что он увольняет людей слишком часто и слишком смело. Действительно, будучи тогда морским министром, он произвел коренную чистку среди адмиралов, не щадя людей знаменитых и чрезвычайно популярных.

Противоположные упреки взаимно исключаются. Забавно то, что нападали и нападают на Черчилля те самые люди, которые решительно ничего не предвидели и в свое время издевались над его мрачными предсказаниями. Я буду дальше говорить о том, каковы были эти предсказания и как к ним относились в Англии самые «ответственные» (хороша их «ответственность»!) люди самых разных партий, от Болдуина до социалистов, от Ллойд-Джорджа до Невилла Чемберлена.

Уход Черчилля в настоящее время, по-моему, был бы национальной или даже мировой катастрофой. Заменить его решительно некем.

Говорят, что незаменимых людей нет. Это отчасти верно. Уж на что считался «незаменимым» человеком у большевиков Ленин, однако дела СССР идут теперь не хуже и не лучше, чем при нем. Все же из общего правила есть исключения. Теперь достаточно ясно, например, что в 1917 году Клемансо был незаменим: он был последней ставкой Франции на полную победу. Он сам так думал — и носил при себе яд на случай, если бы оказалось, что победа невозможна и при нем. В Париже тогда все знали, что в случае ухода Клемансо остается только кабинет Кайо, считавшегося сторонником соглашения с Германией без победы той или другой стороны: кабинет Кайо для немедленного начала переговоров о компромиссном мире. Теперь в Англии положение еще сложнее, так как то, что можно было бы по внешности с натяжкой назвать компромиссным миром, сейчас было бы по существу полной победой Гитлера.

Во всякой другой стране люди для такого мира нашлись бы. Они могут, пожалуй, найтись и в Англии, причем на разных полюсах политического мира. Но в Англии у них шансы неизмеримо слабее, чем в какой бы то ни было стране, вследствие национальных особенностей британского характера и вследствие принципов политического устройства страны. Кроме того, к великому счастью человечества, соотношение сил пока еще не вызывает нужды ни в кабинете какого-либо лорда Лондондерри, ни в практическом подходе к тому, что в России в 1917 году называлось «похабным миром». Клемансо носил при себе яд. Черчиллю носить при себе яда не надо даже в фигуральном, метафорическом смысле этого выражения. Оно не везде теперь метафорично: ведь покончили же с собой венгерский и греческий премьеры. Англия, однако, не Греция и не Венгрия. У нее есть огромное военно-политическое могущество и есть вековая уверенность в себе старого беспронятного игрока, почти никогда не знавшего поражений. Черчилль — последняя и наиболее надежная ставка Англии на полную победу.

II

Новый и самый блестящий период в политической жизни Черчилля начался в 1933 году с приходом к власти Гитлера.

Англией правили Болдуины и Чемберлены. Их имена просто неловко вспоминать в сочетании с именем нынешнего первого министра — настолько он крупнее их, умнее и талантливее! Человек, который по уму и талантливости считался его соперником, Ллойд-Джордж, был в оппозиции. Он расходился с Болдуином и Чемберленом почти во всем, но по вопросу об отношении к национал-социалистической Германии Ллойд-

Джордж был к ним близок. Они думали, что никакой опасности для мира, для Европы, для Англии нет. Он тоже так думал. Он даже ездил на поклон к Гитлеру и вынес из беседы с ним самые успокоительные сведения: разумеется, нет ни малейшей опасности, фюрер в мыслях не имеет войны, да если бы он и хотел воевать, то у него нет для этого возможности: нет офицеров, нет кадров, нет нефти и т. д. Это высказывалось в речах, в статьях, в интервью. Бумага все терпит. Уши членов парламента тоже.

Без всякого преувеличения можно сказать, что в Англии всю опасность положения понимал один человек — Уинстон Черчилль. Надо признать истинной катастрофой то, что к власти его не звали. Он не раз давал понять, что не дорожит своим пребыванием в оппозиции — вдобавок в какой-то странной, неофициальной оппозиции (он ведь оставался членом правительственной партии). Некоторые газеты — впрочем, не часто и без большой энергии — напоминали правительству, что консервативная партия, да и Англия, не могут позволить себе такой роскоши: отстранения от власти столь выдающегося и талантливого человека. Ничто не помогало: Черчилля к власти не звали. По слухам, главной причиной была личная антипатия к нему Чемберлена. Невилл Чемберлен, тоже по слухам, теперь в Англии пользуется кличкой «Devil Chamberlain». Нехорошо бранить мертвецов (включая сюда и мертвецов политических), да и ничего «дьявольского» в личности покойного премьера, разумеется, не было. Но этот грех перед родиной ему англичане вправе не прощать.

То же самое происходило во Франции — тут я могу говорить отчасти как свидетель и очевидец. Было несколько энергичных и проницательных людей. Одни из них умерли — именно тогда, когда больше всего были нужны. Другие не пользовались влиянием. Правил Даладье, Сарро, Поль-Бонкуры; под разными именами на Сене пошел сплошной Поль-Бонкур. Эти люди довольно прочно завладели «властью» как раз в ту пору, когда Гитлер стал канцлером.

Поистине невозможно без душевной боли оглядываться на столь недавнее и столь далекое теперь прошлое. Нужны были чудовищные ошибки, целое море глупости, слабости, бесхарактерности для того, чтобы сделать возможным случившееся. В свое время ведь не было ничего легче, чем предотвратить катастрофу. В 1933 году одного окрика из Парижа и Лондона, одной угрозы мобилизацией, захватом Рурской области было бы вполне достаточно, чтобы Гинденбург убрал Гитлера: Германия тогда не имела ни воздушного флота, ни артиллерии — она о сопротивлении не могла и думать.

Указывалось, что для вмешательства Франции и Англии не было «ни предлога, ни причины». О «предлоге» можно не говорить: предлогов было сколько угодно. К войне Германия готова не была, но она вооружалась уже до Гитлера. Генерал фон Шлейхер в бытность свою канцлером приступил даже к постройке подводных лодок. Французский генеральный штаб имел секретное досье о вооружении Германии, о тайных складах оружия, запрещенного Версальским договором. Много раз и французская печать, и французские делегаты в Лиге Наций грозили предъявить это досье. Если бы оно было предъявлено с ультиматумом в 1933 году, то либо Гитлеру пришлось бы положить конец вооружению и выдать все склады — тогда от его престижа ничего не осталось бы, — либо Гинденбургу пришлось бы заменить Гитлера другим лицом, более подходящим для союзников да и для всего человечества.

Что же касается «причин», то тут, конечно, роковую роль сыграл (как и в 1918—1920 годах) «принцип невмешательства во внутренние дела другого государства». Сколько раз я эти идиотские слова слышал и во французской палате депутатов, и на сессии Лиги Наций: «Чужие внутренние дела, внутренний режим чужого государства нас не касаются!» С каким самодовольством, с какой гордостью эта фраза произносилась! Впоследствии оказалось, что чужие «внутренние дела» все-таки немного «нас касаются». Настолько касаются, что из-за этих чужих внутренних дел Франция и погибла.

В Париже главную ответственность возлагали на англичан: «Мы не могли действовать решительно, потому что Англия этого не хотела и этого не допустила бы». Это верно лишь отчасти. Британский кабинет «допустил» в свое время занятие Рурской области, произведенное Пуанкаре по гораздо более низким причинам: не для того, чтобы спасти мир от надвигающейся катастрофы, а для того, чтобы заставить германскую демократию платить деньги, причитавшиеся союзникам по Версальскому договору. В 1933 году дело шло уже не в отношении демократической Германии, а в отношении Германии национал-социалистической. После первых «эксцессов» Гитлера британское общественное мнение было так возбуждено против национал-социалистов, что в Лондоне никто не пошевелил бы пальцем для воспрепятствования энергичной политике Парижа. Но те люди, что во Франции стояли тогда у власти, ссылались на Англию в оправдание своей собственной «нерешительности».

Однако доля правды в этом утверждении все-таки была: если бы Англия повела энергичную политику, то Франция ее всецело поддержала бы, тем более, что в 1933 году риска войны не было никакого. Гитлер и Геббельс сами впоследствии издевались над беспомощностью, проявленной в ту пору бывшими союзниками. Для энергичной политики во Франции нужен был бы Клемансо, который, конечно, никого не спрашивая, не спрашивая и Англию, двинул бы войска на Рейн через день после прихода Гитлера к власти. В Англии такую политику мог повести один Уинстон Черчилль.

Надо, впрочем, оговориться. Клемансо верил в силу и только в силу. Он одинаково ненавидел немцев, как демократов, так и реакционеров. О Черчилле этого никак сказать нельзя. В своих воспоминаниях он пишет о Германии без всякой ненависти, отдавая должное мужеству, энергии и качествам немецкого народа. Пока в Германии у власти были демократы, Черчилль решительно стоял за миролюбивое соглашение с ними, за такое соглашение, которое, быть может — не говорю «наверное», — сделало бы приход Гитлера к власти невозможным. Об опасности, о необходимости энергичной политики он заговорил лишь после того, как от демократии в Германии больше ничего не оставалось.

В одной из самых замечательных своих речей, произнесенных после назначения Гитлера канцлером, Черчилль говорил о надвигающейся на Англию опасности: война с расистской Германией становится все более вероятной с каждым днем. Кто может сказать, как кончится эта война? Авиация стала мощным орудием истребления. Вполне возможны налеты немецких летчиков на Лондон, на Бирмингем, на Шеффилд. «Опасность, которая грозит нам, — сказал Черчилль, — сулит не только тяжкие страдания, но и гибель: я разумею завоевание, покорение (Англии. — М. А.) в настоящем смысле слова. Надо считаться с этим фактом, пока еще есть время для мер по его предупреждению».

Я не знаю, как принимали недоверчивые слушатели эту речь. Вполне возможно, что эти странные предсказания были встречены смехом: никто не верил мрачным пророчествам Черчилля даже гораздо позднее. Невилл Чемберлен, разумеется, пренебрежительно опроверг все его заключения. Факт трагикомический: Ллойд-Джордж, который был в оппозиции правительству и вдобавок терпеть не мог Чемберлена, на этот раз горячо поздравил его с тем, что он так хорошо разгромил «экстравагантные и алармистские суждения», высказанные Уинстоном Черчиллем. — Теперь тот же Ллойд-Джордж порицает нынешнего главу правительства за все грехи, включая недостаток предусмотрительности!

Так же относились к предсказаниям Черчилля почти вся печать, громадное большинство членов парламента, консерваторы, либералы, социалисты. Он приводил цифры, они немедленно опровергались «из самого осведомленного источника». В ноябре 1936 года он сообщил палате общин, что у Германии есть 1500 аэропланов и что германский воздушный флот уже сильнее английского. Последовало тотчас ав-

торитетное опровержение Болдуина: германский воздушный флот вдвое слабее английского и такое соотношение между ними останется и впредь. Весь парламент и вся Англия были в восторге: Болдуин вполне успокоил страну.

Британское правительство бездействовало. По яркому выражению Черчилля, члены кабинета «decided only to be undecided, resolved to be irresolute, adamant for drift, all powerful for impotence»,* предпочитали ничего не делать. Он предостерегал и французов. Андре Моруа в своей последней книге сообщает, что Черчилль тщетно убеждал его повести в парижских газетах кампанию с требованием усиления французского воздушного флота. То же самое и с таким же успехом он говорил разным французским политическим деятелям. Они его не слушали. Как и англичане, они подписывали одну бумажку за другой. Все бумажки заключали в себе «гарантии». Гарантий у мира было — и есть по сей день — сколько угодно. Вера в бумажки останется одной из немногих комических сторон нынешней мировой трагедии.

Практический смысл советов и требований Черчилля сводился к двум положениям: с одной стороны, надо вооружаться, надо вооружаться возможно скорее и решительнее, не останавливаясь ни перед какими жертвами и затратами; с другой стороны, необходимо объединить вокруг Франции и Англии все страны, которые не согласны идти в рабство к немцам. Черчилль был убежден, что если Лондон и Париж поведут энергичную политику самозащиты и защиты мира, то с ними объединятся — не только посредством бумажек, а по-настоящему — три четверти европейских государств. Он отстаивал Лигу Наций, отстаивал ее даже после аннексии Австрии! В этом опять коренное различие между ним и Клемансо, который со дня основания Лиги и вплоть до своего последнего дня считал ее глупой выдумкой, решительно ни для чего не нужной.

Предвидя войну с Германией, Черчилль пошел на жертву, которая ему была, вероятно, особенно тяжела: он стал постепенно и осторожно высказываться за соглашение с советской Россией. Едва ли во всей Европе есть государственный деятель, который так ненавидел бы большевиков, как он. Черчилль был главным их врагом в 1918—20 годах, тут снова сходясь с Ллойд-Джорджем. Уйдя от власти, он громил их в своих книгах и статьях так, как из западноевропейских политических деятелей их не громил, кажется, никто другой. Это, правда, ему не мешало очень высоко ставить дарования Ленина. В пятом томе своих воспоминаний он пишет: «Ленин был в отношении Карла Маркса тем, чем Омар был в отношении Магомета... Ум у него был мощный и в некоторых фазах необыкновенный. Ему было доступно понимание всего (It was capable of universal comprehension — ?!) в степени, редко достигаемой людьми». Однако в Москве отлично знали, что в демократических странах советский строй не имел и не имеет более ожесточенного врага, чем Черчилль. Попытка сближения с большевиками стоила ему, конечно, недешево. Он надеялся, что можно будет, ценой принципиальных и непринципиальных жертв, ввести СССР в антигерманскую коалицию. «Все отходит на второй план по сравнению с германской опасностью», — так приблизительно можно передать основной принцип политики Черчилля начиная с 1933 года. В этом у него единомышленников в Англии не было совершенно. Во Франции более или менее (только более или менее) близок был к его взглядам Поль Рейно, который высказывал эти взгляды неизмеримо осторожнее. До некоторой степени к его единомышленникам может быть причислен еще Мандель, но он в последние годы большим влиянием не пользовался. Манделя в Париже очень не любили, что он без основания приписывал своему еврейскому происхождению.**

* «решились только на нерешительность, постановили ничего не постановлять, а плыть по течению со всей мощью импотенции».

** В июне 1940 года, в пору французской катастрофы, Мандель сказал: «И ведь я мог бы спасти Францию, если бы я только назывался Дюбуа!». Мандель хотел сказать, что ему помешали спасти Францию его еврейское имя и происхождение. Едва ли это верно: во Франции это тогда имело мало значения. (Примечание М. Алданова)

Мандель, ученик и ставленник Клемансо, выражал традиции своего учителя. Если проницательность Черчилля вызывает справедливое удивление, то еще в большей степени приходится удивляться проницательности Клемансо, который, как известно, не дожидаясь прихода Гитлера к власти и который тем не менее был совершенно убежден в неминувности катастрофы. За несколько месяцев до своей кончины, в 1929 году, он сказал, что новая война начнется через десять лет и что Франция в ней будет разбита. Это сбылось с совершенной точностью: война началась ровно через десять лет после того, как эти слова были сказаны. Я не стал бы ссылаться на столь замечательное предсказание, если бы оно было кем-либо опубликовано теперь: сам Клемансо говорил, что нет ничего легче, чем предсказывать то, что было. Эти его слова были опубликованы вскоре после его смерти. Разумеется, никто на них внимания не обратил.

В отличие от Клемансо, Черчилль не был ни пессимистом, ни мизантропом: он верил если не в ум и проницательность, то в мощь и в моральные силы своего народа. В одной своей статье, напечатанной в 1936 году, он пишет: «Хотя я ясно вижу темную сторону вещей, все же в явном противоречии с этим я каждое утро просыпаюсь с новыми надеждами, с возрожденной энергией. Я твердо верю, что английский народ пока остается хозяином своей судьбы. Думаю, что у нас еще будет время для исправления прошлых ошибок. Верю также, что дух нашего народа здоров, что его миссия не кончена. Я намерен выполнить и свою долю работы, пока мне еще дана жизнь и пока у меня остаются силы».

Свою долю работы он, как мы все знаем, выполняет, выполняет даже с некоторым избытком. Боюсь, что здоровье его надорвано; это чувствуется и в радиопередачах его голоса, и в его снимках на экране. Заменить его некем. В случае его ухода в отставку (не по болезни) возможен только кабинет Ллойд-Джорджа или какого-нибудь лорда Лондондерри для заключения мира. В этом случае полностью сбылись бы слова, сказанные Черчиллем в речи 24 марта 1938 года: «Я был свидетелем того, как этот знаменитый остров (Англия — М. А.) безостановочно спускался по лестнице, ведущей к мрачной пропасти. В начале лестница широка и прекрасна, но вскоре ковер кончается. Еще немного дальше — отдельные ступеньки, а затем и они обрываются под ногами...»

1941, Нью-Йорк